

САМОЗАБВЕННАЯ ЖИЗНЬ
(из воспоминаний о В. А. Москетти)

Иванова-Рахнянская Н. Н., Корзюков А. И., Дьяков В. А.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
Шампанский пер., 2, Одесса, 65058, Украина

Иван Иванович, как только приехал в Одессу, стал знакомиться с людьми, так или иначе являвшимися достопримечательными для нашего города. Многонациональность, характерная для одесской интеллигенции послевоенного времени, среди одесских знакомых профессора Пузанова была, в частности, представлена Виктором Антоновичем Москетти, воспоминаниям о котором и посвящен наш дальнейший рассказ.

Большая комната в густонаселенной коммунальной квартире. Комната перегорожена шкапами, это не только послереволюционная, но и послевоенная мода. Так было удобно — каждому члену семьи выгораживался свой угол. Туда Виктор Антонович водил нас охотно — всегда, как ему казалось, — по делу, а нам-то была радость, было счастье: взрослый, наш учитель, зовет нас к себе домой, доверяет нам серьезные разговоры. Кроме Виктора Антоновича, в этой комнате были еще книги — он их доставал и показывал, если что-то из них оказывалось необходимым согласно течению беседы — книги были не только биологического содержания... Была ли это старая консульская квартира, с уверенностью сказать сейчас трудно, но находилась она в глубине двора, по ул. Толстого, 10, что угол Нежинской.

Виктор Антонович был сыном итальянского консула в Одессе Антуана Москетти, державшего еще табачную и папиросную торговлю (Григорий Москвичь (М. А. Москвича.). Путеводитель по Одессе. 4-ое изд. — Одесса, 1908 г.). Он еще в детском возрасте был привезен в наш город. В то время, когда Одесса вошла в состав Транснистрии (1941-1944 гг.), Виктор Антонович — помощник итальянского консула Коппини, сам стал консулом; после отзыва Коппини на Родину в июле 1943 г. (Смирнов В. А. Реквием XX в.: ч. I, стр. 131, 132, 133. — Одесса. Оптимум, 2001, ч. II, стр. 194. — Одесса, Астропринт, 2003). После оккупации Виктор Антонович — руководитель биологических кружков на Станции юннатов, где все мы — соавторы — были его учениками. Во Дворце пионеров, где администрация, родители учащихся и сами учащиеся устроили ему пышное празднование — юбилей своего любимого Учителя. Во Всеукраинском пионерском лагере “Молодая гвардия” (“Украинский Артек” в просторечии), который располагается на и над берегом моря в Одессе за Лузановкой.

Он приходил в кабинет Ивана Ивановича, в тогда еще новом здании биологического факультета, приводил с собой своих учеников. Одному из них — соавтору этой статьи — он таким образом определил будущее, когда тот был еще в шестом классе школы. Другому из соавторов посчастливилось работать вместе с Виктором Антоновичем в пионерском лагере “Молодая гвардия” летом 1961 г., — как бы под его руководством. Приходится оговориться “как бы”, потому что, благодаря проявляемой Москетти тонкости характера, которая господствовала в отношениях, этого руководства даже не чувствовалось. Просто на протяжении июля и августа в ожидании длительного и тяжелого преподавательского труда на селе был отдых на берегу Черного моря. Отдых был сопряжен с одновременными походами, сборами биологического материала и приготовлением коллекций под нашим с Виктором Антоновичем руководством, но руками самих пионеров. Наши юннаты после окончания лагерных смен уехали в те же села, леса, горы и долины Волынской области, куда в конце лета уехал по назначению после окончания Университета преподавать этот один из соавторов. Они увезли с собой коллекции с представителями морской и лиманской фауны, но увезли также и умение, потому что эти коллекции были сделаны ими собственноручно, хотя и под руководством Виктора Антоновича. Они приобретали у него на занятиях опыт, умение. Но главное, чему они учились — это любовь к природе в ее живых и неживых проявлениях, знанию о том, что коллекции помогут приобщаться к этой любви другим, которые такого опыта пока лишены.

Бывший студент-биолог не только отдыхал, а тоже продолжал учиться, перенимая у Виктора Антоновича то, что умел руководитель. Перенятый опыт позволил потом в сельской школе вместе с ее учащимися создать биологический кабинет с экспонатами из местной флоры и фауны. Все экспонаты дети делали сами, и какой радостью светились лица и взгляды односельчан — их родителей, когда на сцене сельского клуба мы со школьниками расставляли столы, на них располагали коллекции, отдельные чучела и препараты, показывали их и рассказывали, кто и что сделал. Все наглядно ощущали результаты труда своих детей — вот чему, в частности, можно было научиться у В. А. Москетти.

В походы Виктор Антонович и пионеры с пионервожатыми ходили по маршрутам, которые были пройдены студентами с нашим профессором во время университетских занятий. Путешествия “на невод” или по берегу моря, на Хаджибее — Куяльницкий водораздел и в Хаджибеевский парк, на “поля орошения” или в железнодорожные лесополосы становились для их участников осмысленнее и интереснее, благодаря передаче пионерам и их вожатым рассказов о встреченном на этих путях, которое было подчеркнуто из рассказов проф. Пузанова...

Из послевоенных участников кружка Виктора Антоновича на Станции юннатов в разное время на биологическом факультете занимались: Владимир Константинович Симоненко, Валерий Стефанович. Тот и Анатолий Иванович Корзюков, Ким Маркович Каминер и Семен Яковлевич Блинштейн, Игорь Жозефович Броун и Вадим Анатольевич Дьяков. Тот и Дьяков были даже студентами одного курса и специализировались при кафедре Ивана Ивановича, Анатолий Иванович Корзюков и сейчас работает доцентом этой кафедры. Жизненные обстоятельства привели к тому, что не все ученики Виктора Антоновича стали студентами Университета или его биологического факультета. Например, Володя Мацюкевич, который в школе был бессменный староста юннатского кружка, учился в Медицинском институте и потом рано ушел из жизни. Небиологическая специальность открылась перед членами кружка Виктора Антоновича на Станции юннатов братьями Олегом и Ростиславом Ляховскими, Валерием и Геннадием Посевиными, Еленой и Наталией Рахнянскими. Но любовь к живой и неживой природе, многие интеллигентные черты характера сформировались у всех нас под воздействием нашего юннатского Учителя и всегда все вместе составляют тот нравственный императив, который является определяющим для наших поступков в различных ситуациях. Мировоззренческие черты, которые были нами переняты у В. А. Москетти, повлияли на развитие нашего т. с. “взрослого мировоззрения”. Влияние Виктора Антоновича оказалось таким долговременным, потому что тогда оно касалось детских чувств и ума. Еще учась в школе, но до поступления в ВУЗы, В. Тот, А. Корзюков, Г. Посевин и В. Дьяков за успехи в юннатской работе были награждены медалями Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Раньше нас, конечно, охватила буйная радость, — что вы — первая правительственная награда, но теперь, когда некоторые из нас уже сами стали преподавателями, видно и понятно, какая большая роль в этом наших школьных и станционных юннатских учителей.

Вот уже говорилось о тонкости характера и воспитательском, педагогическом такте Виктора Антоновича. Летом 1953 или 1954 годов он во главе группы юннатов ехал в Киев на какое-то республиканское торжество, где дети, как тогда водилось, должны были о чем-то рапортовать. Один из нас ехал по поручению Правления Областного отделения Украинского общества охраны природы. Выступил он тогда, хотя и с детским задором, но во всех отношениях плохо. Однако такое плохое выступление юного существа не вызвало у Виктора Антоновича предвзятого отношения к нему в дальнейшем, а наоборот, — В. А., старший — терпеливо и длительно (много лет), собственным примером показывал значительно младшему себя, как надо выступать и что говорить.

Некоторые из нас радовались, когда из разговора было видно, что Виктору Антоновичу не чужды также интересы к литературе, музыке, театру, живописи... Такие проявления вспыхивали иногда, бывало — он даже высказывался, что вот де вокруг одни только интересующиеся биологией, хватит с него, дескать. Вообще же в разговорах с ним формировались и наши интересы, разносторонность. Беседы с В. А., если даже и начинались с какого-либо гуманитарного предмета, всегда переходили к чему-нибудь, связанному с природой, — и наоборот. Для нас это была не только юннатская школа, школа натурализма, но и научение тому, что нельзя замыкаться в узком горизонте. Иметь свое специальное увлечение — хорошо, но мир делается интересным только тогда, когда отношение к нему широко и разнообразно. А узнавали мы это, глядя на нашего Учителя — такого милого, доброго, по-джентльменски приветливого и твердого, у которого разносторонность нанизывались на его интерес к природе.

Следует отметить еще одну черту Виктора Антоновича, которая роднит, объединяет его характер с характером Ивана Ивановича. Проф. Пузанов имел свое отношение к преподаванию. Он такой же силы, как ученый, был еще и (не будем стесняться детского термина) заядлым преподавателем. Нужно было видеть чертячьи огоньки, которые зажигались в его глазах, когда он “с подковыркой” задавал “подкожные” вопросы экзаменуемым. Он не только не понимал, как это — читать лекции без использования наглядности, но и обильно оснащал ею свои устные выступления, будь-то студенческая или крестьянская аудитория, и это происходило еще за 30-40 лет до широкомасштабного использования ТСО в ВУЗах страны. Примеры проявления такого детского азарта у Ивана Ивановича можно умножить. Отчасти за этот детский азарт, заядлость его и любило юношество, группировалось вокруг него, считало “нашим” профессором, т. е. своим.

В то же время мы выше уже упомянули, что Виктор Антонович довольно часто менял места работы. Он это делал не из-за склочности характера — у него, по-настоящему интеллигентного человека такой черты и не могло быть. Он о кружковой работе имел свои оригинальные, не такие, как у начальства и согласно инструкциям, представления. Кроме профессиональных навыков, которые он умел передавать, дети любили его, в частности, за ласку и тепло, неформальное отношение, которое он излучал.

Он ходил в рубахе навыпуск, подпоясанный или шнуром с кистями, или поясом с набором металлических бляшек, обвешанный детьми... Инженер по капитальному строительству в “Молодой гвардии” говаривал: “Виктор Антонович! Вы, как Лев Толстой в своей Ясной Поляне”. Потом, помолчав, саркастически добавлял: “Вот только Поляна не Ваша!” А Виктор Антонович на это отвечал: “Да, я как итальянец имею право голоса, но как советский гражданин, только избирательного”. Он вынужден был достаточно часто менять места работы из-за того, что не сходилась с администрацией во мнении о том, как вести кружковую работу. Какое-то время начальство его и его неформальное отношение терпело, потом начинались трения, трения становились громогласные и дело кончалось его уходом. Воспитанники Виктора Антоновича — те, кто группировался вокруг него, уходили с ним. На новом месте его работы они становились тем ядром, вокруг которого собирался новый кружок. Виктор Антонович не знал, что через четверть века после его смерти кончится существование того строя, который мешал формированию интеллигентности, охране природы, воспитанию и еще многому, чему он самозабвенно отдавал жизнь.